

НО МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ

# Фронтные встречи

Елена ГОГОЛЕВА, Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР



Имя Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий, народной артистки СССР Елены Николаевны Гоголевой широко известно в нашей стране и за рубежом. Выдающаяся актриса современности, она и сегодня, в канун своего восьмидесятилетия играет на сцене Малого театра.

В годы войны Елена Николаевна, как и многие деятели искусства, работала в фронтовой театральной бригаде. Об этом забываемом времени она рассказывает в книге воспоминаний «На сцене и в жизни», которая готовится к печати в издательстве «Искусство».

Отрывок из этой книги предлагаем вашему вниманию.

Редакция и читатели «Учительской газеты» сердечно поздравляют Елену Николаевну Гоголеву с юбилеем и желают большого творческого счастья.

Летом 1941 года Малый театр выехал на гастроли в Днепропетровск и Сталино (теперь Донецк). Я любила Днепропетровск. Мы бывали там на гастролях довольно часто и всегда выступали очень успешно. У меня был хороший репертуар — «Варвары» и «Стакан воды». Затем труппа разделилась на две группы. Я переехала в Сталино, где мне предстояло играть «Стакан воды». В этом городе я никогда раньше не была. Приехали мы совсем к ночи 21 июня. Утром 22-го я проснулась в чудесном настроении. Стоял яркий, солнечный день. Захотелось и мне к завтраку выйти нарядной. За столом шутили, смеялись; кто бывал здесь раньше, рассказы-

вал о великолепном приеме зрителей. И вдруг — радио. Голос Молотова. Внезапное нападение Германии. Война. Тишина за столом. Первая мысль моя — Игорь! (Сын. — Ред.). Граница! Он там. И хоть последние письма были уже без намеков, они прямо предупреждали о чем-то важном — не верилось, не хотелось верить.

Вечером мы играли «Стакан воды». Обстановка была напряженная, но спектакль шел. Я держалась. В театре аншлаг. Мы играли в летнем театре городского парка. Однако слухи о бомбежке Киева настораживали. Кто был свободен — не отрывался от черного репродуктора, а мы, играющие, все же невольно прислушивались и исподтишка посматривали на небо. Не помню точно, сколько мы сыграли спектаклей, — кажется, с утренником три. На утреннем спектакле кому-то послышался бомбовый удар. Наташе Белевцевой стало плохо. Вечером спектакль отменили. Из Днепропетровска должно было прийти указание, что делать. Наконец местные власти посоветовали складывать вещи и ждать транспорта на вокзал.

А вокзал тогда в Сталино находился далеко от города, и надо было ехать трамваем минут сорок. Мы сидели на чемоданах около трамвайных путей. Некоторые старались шутить: вот, мол, последний акт из «Любови Яровой». Да, похоже. Но не было паники. Сидели молча, сосредоточенно глядя в ту сторону, откуда появится трамвай. Как мы в него сядились, как ехали — не помню, не помню и погрузку в поезд и дорогу до Москвы. Мысли мои занимал только Игорь. А вот приезд в Москву помню. Радостные крики встречающих родных, слезы, объятия, и Семен Исаакович, размахивающий каким-то листком и кричащий: «Жив! Жив! Игорь жив!» Очевидно, мне было пло-

хо. Я почувствовала крепкие объятия Семена Борисовича Межинского и его почти суровый голос: «Спокойно! Спокойно!» Как-то взяла себя в руки, вышла из вагона. Телеграмма от Игоря: «Жив, здоров, не волнуйся».

Спектакли в театре продолжались. Малый стоял на ремонте, играли в нынешнем Детском. И вечное ожидание вестей с фронта, вестей от Игоря. Странно, но я за него почему-то была спокойна. Даже когда долго не приходили письма, даже когда получила извещение: «Пропал без вести». Я верила, знала, что увижу его, что не погибнет. В театре, как я потом узнала, стали меня считать чуть-чуть тронутой, избегали при мне говорить о фронтах. Но это было уже потом. Предстояла еще эвакуация. А пока все лето и осень в Детском театре шли спектакли. Дежурили на крыше, тушили зажигалки, а в ожидании очереди идти на крышу собирались в администраторской.

Помню первые бомбежки Москвы. Мы с Семеном Исааковичем сидели на балкончике. Вечер был чудесный, говорили об Игоре, о наступлении фашистов, и вдруг: «Граждане, воздушная тревога». Мы как-то не сразу поверили, что это не учебное предупреждение. Голос Левитана был суров и настойчив. И мы пошли в укрытие. Сильнейший взрыв потряс стены убежища, потух свет. Пятидесятикилограммовая бомба упала в соседнем дворе. Когда дали отбой, мы возвращались по двору, сплошь покрытому стеклянными осколками. Во всех домах все стекла были выбиты. После нескольких таких бомбежек мы переехали в театр. Иногда уходили в метро, но чаще оставались в театре. Несмотря на выбитые стекла, не было никаких грабежей. Москва деловито и сурово продолжала свои повседневные дела.

Пришел приказ эвакуировать некоторых актеров старшего поколения в Нальчик. Уехали Немирович-Данченко, Качалов, Рыжова, Массалитинова, Климов с Рейзен и кто-то из Большого. Яблочкина, Турчанинова и Яковлев ехать отказались. Спектакли не шли. Начались концерты для воинских частей, на призывных пунктах, в госпиталях. Не только выступления у раненых, но и душевные беседы с ними. Под диктовку мы писали письма их родным, на бомбежки почти уже не обращали внимания. А фашисты подходили к Москве.

Пришел приказ эвакуировать коллектив Малого театра в Челябинск и там продолжать работу. Я колебалась: уеду из Москвы — потеряю связь с Игорем, а от него уже давно нет писем. У меня и мысли не возникало, что Москву могут взять немцы. Этого просто не могло быть. Однако, когда нас сажали в поезд, немцы были уже в Можайске. Ехали в вагонах, тесно набитых людьми и вещами. По дороге часто и подолгу стояли, пережидая бомбежки. Проезжая разбомбленные деревушки, слушали тревожные вести о продвижении фашистов. И все-таки я не верила, что они будут в Москве.

В театре шли спектакли, готовились премьеры, и везде и всюду мы устраивали концерты — и в воинских частях и на заводах. Зима наступила суровая. Но мы часами простаивали у черной тарелочки громкоговорителя на площадке, слушая голос Левитана. Москва жила. Москва не сдавалась; хотя враг был уже в Химках. Невозможно передать, что испытывали мы 6 ноября, слушая торжественное заседание, а потом и парад на Красной площади. Наш парад! Советских войск! И вот первые победные вести. Фашисты отброшены от Москвы. В театре к Дню Совет-

Фото Н. ВФИМОВА.



ской Армии, 23 февраля 1942 года, собирается бригада на фронт. У меня одно желание, одна мысль — ехать! Ехать с бригадой. Может быть, я там что-либо узнаю об Игоре.

...До Москвы добрались благополучно. Москва, хоть и поврежденная бомбежками, стояла непоколебимо. На месте были и театры. Вот только горе страшно с Вахтанговским — в него попала бомба. Мы получили направление на Западный фронт. Нам дали белый автобус, маскировку под снег, и мы отправились по Минскому шоссе. Дома от Игоря не было ни строчки.

Первые наши выступления состоялись под Борисовом, недалеко от места гибели Зои Космодемьянской. Концерт должен был состояться сейчас же, здесь, в походной конюшне. Поставили за «сценой» печурку для переодевания и... какая там сцена. Народ валил. Сзади напирала все новые и новые зрители. Сцены не было. Мы с Аксеновым, боясь наступить на лежащих, сидящих прямо у наших ног зрителей, играли «Укрощение строптивой». Волновалась я ужасно. Читала «Полтавский бой», а потом «Старуху Изергиль» — о горящем сердце Данко. Хотелось отдать этим родным, замечательным людям все свое вдохновение, вложить всю душу в вы-

ступление, чтобы отблагодарить их, наполнить новыми силами и мужеством.

Трудно описать успех и восторженный прием, которые сопровождали наше выступление. Потом ужин в небольшой избе. И, конечно же, опять концерт, а когда нашей опереточной паре нужно было место для танцев, мы сдвинули столы и создали нечто вроде эстрады.

В этой поездке я впервые увидела совсем иного Прова Садовского. Всегда немного насмешливый и равнодушный, он стал совершенно другим. Пров Михайлович услышал, что у одного из летчиков фашисты повесили всю семью. Узнал этот летчик о своем несчастье в день нашего приезда в часть. Конечно, на концерт он не пошел. И вот после концерта Пров Михайлович попросил его зайти к нему в комнату. Тот пришел. Всю ночь Пров Михайлович не отпускал его от себя. Всю ночь старый актер говорил с молодым летчиком. Утром, спокойный, уверенный в себе, летчик полетел на задание. Прощаясь, он обнял Прова Михайловича, сказал ему: «Спасибо, отец, я не забуду».

На этой базе мы пробыли несколько дней. Выезжали с концертами на близлежащие аэродромы. Сдружились с летчика-

ми. Узнали и общую любимицу части — летчицу Аннушку Чиженкову. Она не пришла на наш прощальный концерт. Мы боялись, что произошло неладное. Много лет спустя я выступала на концерте. Меня окликнула какая-то женщина: «Елена Николаевна, я — Аннушка. Вы много обо мне писали и по телевизору рассказывали, спасибо вам, я жива». Теперь уж мы с Аннушкой не теряем друг друга. А недавно она с Михаилом Михайловичем Громовым вручала мне почетный знак Общества ветеранов войны.

Да, фронтные встречи. Помню, в одной части политрук просил нас отметить лучших героев летчиков. И мы решили посвятить каждое выступление тому или иному герою. Так в некоторых частях мы отмечали лучших.

...Мы приближались к Москве. Навестили раненых в Барвихе. И опять вспомнились предвоенные годы. В Барвихе я присутствовала при перевязке бойца, раненного разрывной пулей. То количество метров тампона, которое врач извлек из раны, до сих пор у меня перед глазами. Видела я в Барвихе и братскую могилу. А от Игоря ничего. Летчики, узнав, что мой сын на фронте, стали звать меня ласково «мамаша».

Через Москву нас перебросили на Юго-Западный фронт. Фашистов гнали из Калуги, и мы буквально наступали им на пятки. Под Сухиничами мы заблудились. Снежное поле, где-то что-то полыхает. Едем тихо. «Если наши бригады кричали «воздух», мы все высыпали из автобуса и старались зарыться в снег. Так и заехали чуть ли не на передовую к танкистам, замерзшие и, что греха таить, напуганные. Как радостно встретили нас танкисты! Обогрели, самовар достали, усадили пить чай». А вот концерт им слушать не пришлось. Они

были уже на марше, торопились вперед, бить фашистов.

Там, на фронте, увидела я людей высокого мужества, людей героических и необыкновенно скромных. Там я дала себе слово всю свою жизнь посвятить этим замечательным людям в военных шинелях. Потому, очевидно, и дорога мне так моя военно-шефская работа.

На обратном пути к Москве я узнала, что от Игоря по-прежнему нет писем. Уверенная, что он в партизанах, я по радио обратилась к нему с письмом. Я прочла о горящем сердце Данко. И он услышал меня в госпитале, лежа, вернее, повиснув на ремнях, после страшной катастрофы. Он весь был поломан, обожжен и решил, что останется калекой и будет мне в тягость. Поэтому не писал, молчал. А тут, услышав мой голос, не выдержал. Откликнулся, но ни словом не обмолвился о своих ранах. И лишь когда, шесть раз обманув медкомиссию, он опять стал в строй, написал вскозь, что был в госпитале.

Возвращаясь в Челябинск через Москву, я случайно на улице встретила Владимира Львовича Эйниса. Что-то ему во мне не понравилось, и после распросов о нашей фронтовой поездке он велел мне прийти к нему в больницу на рентген. Оказалось, у меня опять вспыхнула каверна у кулака на правом легком. Сказалась и война, и думы об Игоре. Эйнис посоветовал, если в Челябинске нет хорошего фтизиатра, ехать в Свердловск (я не хотела отрываться от коллектива и оставаться в Москве). Почти два месяца пролежала я в больнице...

Вот этого уже не знал Игорь. (Игорь не пропал без вести и не погиб. После войны он работал звукорежиссером в Доме звукозаписи в Москве. — Ред.) Ему я об этом не писала.